

УДК 913: 332.14: Вендина О. И. [Vendina O. I.]
304.3: 304.444

ДАГЕСТАН: ТРАДИЦИЯ КАК УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Dagestan: tradition as a chance for modernization

Локальное развитие, кем бы оно ни было инициировано – государством, крупными инвесторами или малым бизнесом, светскими или религиозными авторитетами, – зависит от имеющихся ресурсов и участия людей. Если новые возможности отвечают запросам и ожиданиям населения, то это способствует достижению поставленных целей, если же просматриваемые перспективы расходятся с представлениями о желаемом будущем, то сценарий может быть обратным: несмотря на заинтересованность в развитии, общество будет сопротивляться переменам. Задачи развития войдут в противоречие с представлениями о полезности и ценности его результатов. В статье эта проблема анализируется на примере Дагестана. Показано несоответствие логики экономической рациональности управленческих действий и культурно обусловленного поведения людей. Полагая, что культура влияет на локальное развитие наравне с инвестициями, ресурсами и институтами, автор, опираясь на интервью и групповые дискуссии, описывает симбиоз традиционного и современного в жизни дагестанского общества. Проведенный анализ подводит к выводу о неоднозначности роли традиций в модернизационных процессах, недоиспользованности их потенциала и недостаточной эффективности универсальных социально-экономических инструментов развития в условиях конкуренции разных систем ценностей (религиозной и секулярной). В заключении сделана попытка наметить пути решения этой проблемы.

Ключевые слова: Дагестан, локальное развитие, модернизация, традиция, современность, культура, экономика

Local development, by whomever it is initiated – the State, private investors or small businesses, secular or religious authorities and institutions, is dependent on available resources and people participation. If the new possibilities meet the needs and expectations of the population, the local development is successful; on the contrary, if the viewed perspectives mismatch the imaginary picture, the scenario can be reversed: despite the enthusiasm about the development, the society will resist changes. The declared objectives will come into conflict with the perception of the expected results and their usefulness. The paper is aimed to analyze this dilemma by the example of Dagestan. The author points to the discrepancy between the rational logic of economic management and people behavior influenced by the local culture. Presuming that culture impacts on the local development together with investments, resources and institutions, the author, employing interviews and group discussions, outlines the symbiosis of tradition and modernity in Dagestan society. The analysis leads to a conclusion that the role of traditions in modernization processes is underestimated in Dagestan, and the general tools of regional socio-economic development are insufficient in the situation when a secular system of values competes with religious one. At the end, an attempt to identify the ways to address this problem is made.

Key words: Dagestan, local development, modernization, traditions, modernity, culture, economics

* Исследование проведено в рамках Программы Президиума РАН П-13 «Внешние и внутренние факторы модернизации и территориальной дифференциации Северного Кавказа. Глубинные интервью и фокус-группы были проведены при финансовой поддержке проекта «CASCADE» (FP7/ n 613354) «Exploring the Security-Democracy Nexus in the Caucasus».

ВВЕДЕНИЕ

Современный Дагестан – одна из республик Северного Кавказа, где бурное развитие предпринимательской деятельности и частной инициативы, требующее модернизации всех сфер жизни, совмещается с наличием множества локальных сообществ, сохраняющих глубокую преданность традиционным ценностям и культуре. Такое сочетание неизбежно рождает противоречия. Стремясь к их разрешению, общество видит выход как в усилении регулирующей роли государства в лице федерального центра и его программ регионального развития, так и религии – разных форм ислама, приобретающих все большую популярность, особенно, среди молодежи. Сложность этой ситуации требует не просто учета местных реалий, а поиска точек соприкосновения разнонаправленных экономических и культурных процессов, их переориентации в общее русло развития.

ПРОЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ – ИНИЦИАТИВЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Последнее десятилетие федеральная политика на Северном Кавказе была направлена на компенсацию последствий чеченских войн, подавление дестабилизирующих факторов, социальную поддержку населения и стимулирование экономического роста. Для усиления адресности проводимой политики в 2010 году был создан Северо-Кавказский федеральный округ и принята Стратегия социально-экономического развития СКФО до 2025 года. Основные критические замечания в адрес этого документа касались нереалистичности сроков реализации заявленных проектов, объемов их финансирования, дефицита кредитных линий, организационных проблем, конфликта между местным бизнесом и крупными инвесторами, недоучета социальных последствий федеральных инициатив. *«Федеральные власти, – пишет Н.В. Зубаревич, – ведут себя в республиках Северного Кавказа неумно, нередко усиливая конфликтную ситуацию»* [1]. Ей вторят европейские эксперты: *«Недовольство вызывают крупные проекты, такие как строительство ГЭС, заводов или курортов в случае, если они недостаточно продуманы, и в процессе реализации могут привести к разрушению существующих форм*

хозяйствования и нарушению национального и экономического баланса» [2]. В регионах Северного Кавказа склонны говорить о «дефектах» иного рода. Например, критикуя программу развития горных курортов, одной из целей которой является включение населения в современные виды хозяйственной деятельности, местные эксперты указывают на несоответствие мировоззрения горцев особенностям функционирования туристской отрасли. Еще в советское, глубоко атеистическое время, жители республик косо смотрели на туристические базы и гостиницы, воспринимая их не как места «заслуженного отдыха», а как «гнезда праздности, пьянства и разврата». Нынешнее религиозное возрождение и рост числа приверженцев ислама обострили неприязнь к «неправильному» поведению туристов. Такое отношение неизбежно затрудняет поиск рабочей силы среди местного населения и повышает риск превращения новых курортов в полузакрытые анклавы, привлекающие работников со стороны, что усугубляет проблемы. Общий для всех экспертов вывод – необходимо учитывать локальные особенности, находить компромиссы и включать местных участников экономической деятельности в федеральные проекты. Самоорганизация населения должна рассматриваться в качестве ориентира управленческой деятельности, следует поддерживать местные модернизационные инициативы, органичные для локальной социальной и экономической среды, нежели привносить чуждые новшества [2, 10, 11, 14, 16]. Звучит логично, но есть ли возможность идти таким путем? Прошедшие четверть века с момента распада СССР позволяют оценить некоторые результаты локальных предпринимательских проектов. Обратимся к примеру Дагестана.

Все постсоветские годы частная инициатива доминировала в сельской местности республики, освобожденная от пут колхозно-совхозной системы, она определяла развитие фермерского бизнеса и формирование специализированных производственных кластеров, ориентированных на товарное овощеводство (капуста, картофель, лук, помидоры), садоводство (абрикосы, виноградарство), пчеловодство, откорм бычков и выращивание птицы. Неформальная семейная экономика способствовала росту благосостояния населения, созданию новых отраслей производства и модернизации прежних, т. е. решала стратегические задачи, поставленные и на федеральном уровне.

Почему же частные усилия разошлись с государственными установками, и экономический успех, достигнутый в частном подворье, не трансформировался в развитие, став общим достоянием? О том, что этого не произошло, свидетельствуют показатели социально-экономического развития Дагестана: республика числится среди наиболее отстающих и дотационных субъектов РФ, выделяясь при этом масштабной теневой экономикой. Причин несколько.

1. Уже первое постсоветское десятилетие обнаружило, что исчезновение колхозов привело и к исчезновению «принуждения» к кооперированию в решении общих вопросов. О «неспособности» к кооперации говорят практически все фермеры Дагестана. При этом каждый из них продолжает стремиться минимизировать риски потенциальных потерь, вкладывая в свой бизнес ровно столько, сколько нужно для производства продукции своими силами. Последствия разнообразны и чаще всего негативны. Например, в Левашах – крупном дагестанском селе, личные подсобные хозяйства которого специализируются на выращивании капусты, бесконтрольное бурение «своих» скважин для полива привело к нарушению гидрологического режима и пересыханию реки. Теперь воду приходится возить большегрузными автомобилями, которые есть практически в каждом (!) подворье. Нет кооперирования и в сбыте выращенной с таким трудом продукции. Каждый фермер занимается этим индивидуально, используя собственные связи и возможности транспортировки. При этом все в один голос твердят об обязанности государства взять сбыт на себя, жалуясь, что из-за сбытовых проблем приходится уничтожать значительную часть урожая. Схема, при которой мелкий производитель вкладывает свой труд и получает доход, а инфраструктурные заботы передает органам государственной власти, защищающим от превратностей рынка, представляется идеальной.

2. Несмотря на разрушение колхозной системы, в ряде случаев были предприняты попытки трансформации эффективно работавших предприятий в агропроизводственные кооперативы (молочное животноводство, птицеводство, плодоводство), использующие собственное сырье и сотрудничающие с личным подворьем. Большинство из

них постигла неудача, причиной которой стало не только отсутствие управленческого опыта, но и *низкий уровень межличностного доверия, банальная зависть и ориентация людей на личный доход*. Те немногие председатели колхозов, кто стремился сохранить хозяйство, опираясь на сельсоветы как коллективные органы принятия решений, испытали сильное давление с разных сторон. Местные жители – бывшие колхозники – подозревали председателя в корысти и думали: *«Почему выгоду извлекает он, а не я?»*. Следовавший затем раздел имущества чаще всего приводил к упадку хозяйства. Возродившиеся джамааты, возглавляемые лидерами духовных общин, также проявили интерес к управлению локальной экономикой. Ситуация, когда глава мечети взял на себя функции председателя колхоза и одновременно судьи, решая местные вопросы с помощью шариатского или традиционного права, не редкость [3, 4]. Сходную политику проводят и муниципальные власти, конкурирующие и с джамаатами, и с председателями за экономическое и политическое влияние. Итог этой локальной борьбы – «выдавливание» одного частного бизнеса другим, разрушение сложившегося хозяйства и рост числа конфликтов. В этой ситуации преимущество принадлежит наиболее организованным участникам процесса – локальным администрациям и криминальным структурам, что способствует коррупции [5].

3. В тех случаях, когда спорящие хозяйствующие субъекты разделяли разные этнокультурные идентичности и имели разное представление о справедливом распределении локальных ресурсов, прежде всего, земельных, *инициативы, направленные на территориальное развитие, сталкивались с этнической мобилизацией*. «Право народа», закрепленное адатами и понимаемое как унаследованная привилегия доступа к земле, является для местных сообществ не пережитком прошлого, а вполне современной и легитимной установкой. Это превращает этнические претензии в ликвидный актив, используемый носителями политических и экономических интересов. Например, протесты против строительства сахарного завода в Ногайском районе Дагестана, имевшие экономическую и социальную подоплеку, вылились в создание Национального совета ногайского народа. В 2013 году он был преобразован в Федеральную национально-

культурную автономию, которая стала неременным участником принятия решений о землепользовании, собственности, контрактах, наследовании и пр. Примером конфликта общих и этно-групповых интересов является попытка придать законный статус населенным пунктам, возникшим на землях отгонного животноводства. С конца 1970-х годов минимально обустроенные стоянки пастухов (кутаны) стали базой стихийного переселения горцев на равнину. Вслед за людьми пришла и инфраструктура. Сегодня в республике насчитывается 145 крупных сел, не имеющих юридического статуса «поселений», органов местного самоуправления и муниципального бюджета, люди (почти 80 тыс. чел.) лишены базовых социальных прав, должны голосовать, получать пенсии и социальные услуги по месту «прописки» в горных аулах в десятках километров от места фактического проживания. Это создает серьезные проблемы не только для населения, но и территориального управления. Чтобы вывести ситуацию из правового тупика, правительством Дагестана было принято постановление, регулирующее статус стихийно сложившихся поселков и практику землеотводов, однако «народы равнины» солидарно выступили против такого нововведения, апеллируя к экзистенциальным угрозам для «своего» этноса [6, 7].

Приведенные примеры показывают, что локальные агенты развития, даже если они и добиваются успеха, действуют так же «неумно» как федеральные власти, учитывая лишь свои интересы и в меру возможностей подавляя интересы других. Возникает ощущение, что сбой государственных и частных инициатив, направленных на развитие, объясняется противостоянием логики управленческих действий, исходящих из принципов экономической и социальной рациональности, и логики поведения людей – обычаев, представлений и отношений. В какой мере это реальный тупик, а в какой – артефакт, порожденный неполнотой наших знаний и односторонней интерпретаций наблюдаемых явлений?

МЕШАЕТ ЛИ КУЛЬТУРА РАЗВИТИЮ?

Северный Кавказ – чрезвычайно мозаичный этнокультурный регион, где неоднократные волны модернизации и «прививки» иного

образа жизни (советского, секулярного, городского) привели к неоднозначным последствиям. Его одновременно характеризуют и как «заповедник архаики» и как передний край современности – зону конфликта, порожденного «столкновением цивилизаций», если придерживаться терминологии С. Хантингтона. Здесь ценностные ориентиры западной модернизации (урбанизация, административные институты, права человека, светское образование) конкурируют с идеями исламского возрождения, опирающегося на этику эгалитарного общества, справедливость, добродетель и веру [8, 9]. Идеологический раскол дополняется попытками совместить в повестке дня региона плохо совместимые стратегические цели – сохранить исключительность и вписаться в универсальные стандарты «цивилизованного мира». Хотя изучению сложного симбиоза этих разнонаправленных процессов на Северном Кавказе посвящены многие глубокие исследования [10–16], по-прежнему, открытым остается вопрос, является ли внутренняя противоречивость северокавказского общества его имманентной чертой и условием развития или это бич, удерживающий народы в заколдованном круге, выйти из которого можно только разорвав узы традиционности.

Такая постановка вопроса близка идеям М. Вебера, изложенным в его знаменитом эссе «Протестантская этика и дух капитализма» (1905). Вебер обратил внимание на совпадение этических принципов протестантизма и качеств, наиболее востребованных в ходе промышленной революции. Схожесть социальных запросов капитализма и массовых представлений людей способствовала согласованности индивидуального поведения и механизмов переформатирования институциональных, политических и экономических структур общества. Эти идеи были положены Т. Парсонсом в основу теории модернизации, которая на долгие годы установила шкалу соответствия трансформаций, происходивших в разных странах мира, критериям современного общества [17]. Но они же стали источником и критики модернизационной парадигмы.

Оппоненты Парсонса и его последователей предложили концепцию множественной современности, учитывающую важность и неискоренимость культурного контекста [18–25]. С их точки зрения, выбор в пользу модели

модернизации, характерной для западного общества, является лишь одной из возможных траекторий развития, а не строгим предписанием. Сама вероятность такого выбора и его реализации зависит от действий и решений людей, их личных качеств, включая уровень профессионализма, от степени дееспособности имеющихся институтов, наконец, от внешних обстоятельств. Культуре в такой трактовке отводится роль относительно автономной силы, действующей наравне с материальными и институциональными факторами, а не производной от меняющихся социальных и экономических условий [26]. Признание «независимости» культуры повлекло за собой и признание высокой степени неопределенности результатов модернизации, превращающейся в процесс с открытым концом, незавершенность которого становится нормой, а не отклонением от принятого «стандарта». Догоняющая модернизация перестала быть единственной стратегией развития, а культура – рассматриваться как бесконечно податливый пластилин, меняющий свою форму и свойства в зависимости от социально-экономических обстоятельств [27].

Этот тезис представляется чрезвычайно важным для Дагестана, где культурное многообразие является ключевым фактором социальной дифференциации. Речь идет не только об этнографических особенностях или этногрупповых идентичностях, учитываемых при переписях населения и формировании институтов власти, но и о культуре как способе жизни, источнике воспроизводства локального социума. В отличие от российских регионов с преимущественно русским населением, где социальный порядок устанавливается с помощью атемпоральных норм и ценностей, функции социокультурных регуляторов в Дагестане, как и прежде, выполняют традиции, обычаи и родственные связи. По мнению специалистов Левада-центра, *«социологи, изучающие общественное мнение данного региона, имеют сегодня дело с обществом еще во многих отношениях традиционным, которое и сплочено, и разделено по другим основаниям (этнос, род, клан и т. п.), чем современные общества»* [28]. Именно это различие является источником представлений о традиционализме Северного Кавказа и выраженной тенденции к его архаизации.

Несмотря на авторитетность этого мнения, попробуем взглянуть на проблему иначе. Не стоит забывать, что никакого досовременного общества

– носителя исконных традиций, в Дагестане не осталось. Школьное образование, система социального обеспечения, новые жизненные стандарты, моды, телевидение, технические инновации, советские бюрократические практики и система администрирования прочно вошли в жизнь; нормы обыденного права, хотя и не исчезли, были оттеснены на второй план государственным законодательством. Огромную роль сыграла урбанизация, способствовавшая распространению индивидуализма и появлению круга лиц, не следующих предписаниям. Значительно вырос слой светской интеллигенции. Нельзя сбрасывать со счетов и опыт миграций, учебы и работы в других российских регионах и за рубежом, постоянные контакты с иными культурными мирами. Видоизменились и сами традиции: многое из того, что сегодня кажется наследием прошлого, является продуктом современности, реакцией на новую ситуацию в форме отсылки к прежней. Поэтому более правомерным представляется рассмотрение традиционализма Дагестана в контексте проблем общества, осознавшего глубину вызова модернизации как силы, «искореняющей» различия, и проблематичность своего будущего. Чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис, важно понять, каким образом традиционные и современные представления стыкуются в жизни и поведении людей, имеют ли они характер хаотического смешения, свойственного архаизации, или отвечают нацеленности на развитие и модернизацию.

ГИБКИЕ ОБЫЧАИ И НОВЫЕ ТРАДИЦИИ

Стремление выйти за рамки стереотипа «традиционности», приписываемого дагестанскому обществу, и лучше понять свойственные ему противоречия, мотивировало нас к проведению серии глубинных интервью с местными экспертами, журналистами, представителями республиканских и муниципальных властей, фермерами и бизнесменами, а также групповых дискуссий с жителями Махачкалы и сел Дагестана.¹ Респонденты, выбранные

1 Программа социологического исследования была разработана исследовательской группой проекта CASCADE (FP7/п 613354) под руководством проф. В.А. Колосова при активном участии А.Г. Левинсона и С. Королевой. Автор приносит свою благодарность всем участникам исследования за высказанные идеи, проведение фокус-групп и обсуждение их результатов.

нами для фокус-групп, образовывали своего рода модернизационную шкалу в диапазоне от пожилых жителей предгорного села до студентов и интеллигенции Махачкалы. Одна из бесед была проведена в Кусумкенте – удаленном от больших городов бедном селе, откуда активно уезжает молодежь, другая – в *Тюбе*, входящем в состав махачкалинской агломерации. Здесь среди респондентов преобладали сравнительно молодые активисты, энтузиасты обновления поселка. Еще две фокус-группы состоялись в *Махачкале*: одна – с «недавними», а вторая – с «коренными» махачкалинцами, включая советско-постсоветскую интеллигенцию. Совокупность перечисленных наборов респондентов, конечно, не приходится считать репрезентативной выборкой населения Дагестана, но все эти люди, так или иначе, были включены в процессы модернизации, что позволило обобщить их высказывания, сравнив с некоторыми важными параметрами современного и традиционного общества, хорошо известными из теории модернизации.

Семья и общество

Во всех выбранных нами локусах респонденты подчеркивали первостепенную важность семьи и семейных связей как институтов, оказывающих значительное влияние на судьбу человека, его социальную мобильность и потенциальную карьеру. «Всё зависит от связей отца, родителей, родственников. Это – основополагающий момент». Значительным в Дагестане является размер и «большой», и «малой» семьи. Как правило, человек может назвать несколько поколений предков. Количество родственников в одном поколении может достигать полутысячи, однако в число «близких» попадает не более 15–20 человек. Семья отвечает не только за осознание индивидом своей связи с прошлым, но и включенность в будущее, интегрированность в общество. Семейный и общественный статусы взаимоконвертируемы.

Несмотря на это, значение семейной и родовой солидарности не стоит абсолютизировать, ее основания сильно эродировали. Близость определяется не только степенью родства, но и межличностными отношениями. Альтруизм и взаимопомощь вытесняются меркантилизмом и клиентелизмом. В

городах и поселках равнинной зоны, где проживают люди самого разного происхождения, родовые различия ступшевываются, становятся ситуативными. Урбанизация способствует сокращению числа детей и размера семьи. Иметь одного ребенка не означает быть нарушителем нормы. В контактах с внешним миром для всех важна общая дагестанская идентичность. Люди себя ощущают сообществом, обладающим субъектностью в составе большого государства, на которое возлагается обязанность заботиться о каждом.

- *[В] Дагестане всё завязано на традиции, и нам они немножко облегчают [жизнь], а я считаю, завязка должна быть на социальное. Ту функцию, которую несёт род, коллективное сообщество, все эти обязанности должно на себя взять государство.*

Ощущение своей принадлежности к обществу через посредство семейно-родственных связей наглядно проявляется при определении перспектив развития республики. Местные сообщества активно включаются в обсуждение предполагаемых проектов и инвестиций, периодически блокируя действия власти и лоббируя локальные или этногрупповые интересы. Выраженный плюрализм, опирающийся на этническое разнообразие и групповую солидарность, не позволяет возникнуть единственному правящему клану и способствует продвижению меритократических принципов выдвижения публичных фигур. Сожаления, что ими не всегда руководствуются при отборе кадров, были постоянным рефреном дискуссий.

Мобильность

На первый взгляд, дагестанское общество выглядит мало-мобильным. Люди, живущие в республике, редко меняют свое место жительства, если меняют. Они мало путешествуют. Для объяснения этого факта приводятся аргументы о вовлеченности в семейно-родственные отношения, требующие персонального участия.

- *Чем отличаемся мы от тех людей, что за границей Дагестана? У нас очень много обязанностей. Мероприя-*

тий, в которых мы участвуем. Это свадьбы, дни рождения, рождение детей, обрезание. Религиозные какие-то праздники, где какое-то участие финансовое мы все принимаем. Из-за этого [не действует] накопительная система. Чтобы выехать с семьей за пределы Дагестана... это практически невозможно.

- *Если ещё финансово можем себе позволить, [то] не всегда находим время, потому что я не могу уехать в длительный отпуск, зная, что через две недели свадьба у этого родственника. У того родственника сейчас ребёнок родится.*

С другой стороны, выходцы из Дагестана живут практически во всех регионах России и за рубежом: в Европе, Турции, арабских странах [29]. Между республикой и ее диаспорой поддерживаются тесные контакты, обе части общества – «оседлая» и «мобильная» – действуют совместно, обеспечивая существование единого социума, его воспроизводство и обновление. Это требует освоения многочисленных современных практик: интернета, мобильной связи, банковских услуг, авиационного сообщения и пр., которые значительно меняют представления людей. Так, в Кусумкенте о важности доступа в интернет говорили даже старики. Благодаря связям с родственниками село не выглядит законсервированным очагом прошлого, оторванным от внешнего мира. Большая современность жителей Махачкалы, по сравнению с Кусумкентом, проявилась не в привычке к новым технологиям или доступе к информации, а в предпочтении, отдаваемом банковским кредитам по сравнению с одалживанием денег у родственников. Эта ситуация кардинально отличается от традиционных форм финансовой поддержки, при которой «спонсором» является род, не допускающий бедственного положения своих членов: *«накоплений ни у кого нет, но деньги всегда находятся».*

Образование

Ценность и необходимость образования не оспаривается никем. Более того, оно числится среди приоритетов, наравне с уважением к

старшим и ответственностью. Высшее образование признается обязательным для юношей и весьма желательным для девушек. Образование – это капитал, повышающий «ценность» невесты в глазах семьи жениха. Диплом наделяет девушку и большей независимостью в выборе спутника жизни и своей судьбы. Если говорить о специальности, то юношам предоставлена сравнительная свобода, их решение зависит от индивидуальных способностей и стремлений. В случае девушек социально одобряемый выбор сужен до медицины и педагогики. Полученные знания считаются инструментально полезными для исполнения роли матери и домохозяйки, да и работать девушке, если придется, желательно в социальной сфере.

Несмотря на рост интереса к религии, особенно среди молодежи в городах, предпочтение отдается светскому образованию. Основным источником получения знаний является школа, затем следуют семья, «улица», интернет, и в последнюю очередь – мечеть. *«Мечеть – не для знаний. А для правильного духовного настроения».* Мусульманскую одежду, как правило, в школу не носят, хотя есть исключения. В Кусумкенте – это вопрос религиозности семьи, в Тюбе и Махачкале – скорее моды.

- *Сейчас вот мода, ...стали одеваться в мусульманскую одежду. Как таковых правил нет. Я был в Махачкале. По всем нормам одета одна из 35.*
- *У меня одна девочка пришла,.. спросила: «Можно я буду хиджаб надевать». А у неё косынка. Я говорю: «Слушай, у тебя и так косынка на голове, ты и так придерживаешься того, что надо. Если ты хочешь, пожалуйста, я – не против. Но и так ты красиво выглядишь».*

Успех

Вопрос о том, кого можно считать успешным человеком, а кого – нет, имел целью сопоставить достижительные мотивации жителей Дагестана с ценностной шкалой современности. Связь представлений об успехе с материальным достатком свидетельствовала бы в пользу ценностей «выживания» традиционного общества, а личностной самореализа-

цией – «самовыражения» и современности [27, с. 17]. Полученные ответы оказались далеки от однозначности. Во время групповых дискуссий никто не говорил о важности богатства, хотя демонстративное богатство – это то, что поражает на Кавказе. Никто не говорил и о том, что деньги его не интересуют. Точно также никто, нигде и никогда не говорил о личной самореализации, хотя забота о том, чтобы дети *«могли ощущать себя конкурентоспособными»* и имели *«возможность раскрыть свой потенциал»*, называлась в числе мотивов миграции молодежи в Москву и Петербург. Зато все отмечали, что главным капиталом, обеспечивающим успех, являются связи. Они могут быть клановыми, соседскими, земляческими, дружескими, профессиональными, опираться как на прагматичные мотивы и сетевые трансферты, так и чувство долга, ответственности, и пр. Одни и те же люди жаловались, что *«молодому человеку без связей устроиться на работу невозможно»*, и утверждали, что *«нужного специалиста могут взять без всяких связей»*. Приводились и примеры того, как человек без связей пробился *«в России»*, поскольку *«там»* совсем другая жизнь, но и вероятность *«пропасть»* – высока. Подчеркивалось, что связи – это не только возможности, которыми люди пользуются, но и обязательства, которые они несут. Человек без связей – «лузер»!

Жизненный успех – это получение престижной должности, гарантирующей материальное благополучие, социальное признание и авторитет среди родни. Считается правильным, если высокие должности занимают профессионально подготовленные специалисты, достигшие успеха благодаря своим личным качествам и усилиям, что происходит далеко не всегда. Служба в армии также рассматривается как дорога к успеху: прошедшие эту школу могут претендовать на посты в силовых структурах, учреждениях государственной и региональной власти. Если в поздние советские годы платили за то, чтобы в армию не брали, то теперь – чтобы взяли, поскольку призыв из регионов Северного Кавказа ограничен. В глазах общества наибольшее значение имеет статусно-ролевая реализация человека. Ее зримым воплощением является строительство собственного дома. Процесс может тянуться десятилетиями. Примечательно, что представления, адресуемые мужчинам, были восприня-

ты и женщинами, самостоятельно зарабатывающими на жизнь в других регионах России или за рубежом. Они также направляют свои материальные и физические усилия на строительство дома, перекладывая заботы о воспитании детей на матерей и бабушек.

Коррупция и «правильные отношения» между людьми

Понятие «коррупция», разумеется, в широком ходу в Дагестане, но если этот вопрос не будировать, то люди не склонны ее «разоблачать». Многие действия, которые в центральной России квалифицировались бы как противоправные или морально неоправданные, в Дагестане так не воспринимаются. То есть, хищение средств, подкуп, взятки должностным лицам и ряд иных деяний, которые совершаются не простыми людьми, а чиновниками или бизнесменами, оцениваются как преступления, но множество бытовых трансакций, при которых тот, кто *должен* платить, платит тому, кому он *должен* заплатить, расцениваются как справедливые. Справедливым, по понятиям людей, является и поднесение подарков в знак благодарности. Другими словами, оплачивается и прямое исполнение должностных обязанностей служащими, чиновниками, врачами, учителями и др., и нарушение закона. Собственно коррупцией наши респонденты называли неумеренное обогащение чиновников. Злоупотребление властью «в свою пользу» порицалось, но действия в пользу семьи, родственников, друзей, односельчан, земляков – считалось «правильными отношениями» между людьми. Низовая коррупция рассматривалась как обычай («без связей никуда, мы так живем»), обеспечивающий равенство доступа к дефицитным ресурсам или социальной инфраструктуре. Отсюда вытекало и представление о «хорошей власти» как власти, не мешающей людям решать свои проблемы, но достаточно эффективной, чтобы аккумулировать необходимые для этого ресурсы (финансы, влияние, контроль). Никому не приходило в голову, что важнейшей функцией власти является поддержание единой правовой и социальной инфраструктуры государства, что неизбежно должно мешать схемам решения «своих» проблем. Во всех местах проведения фокус-групп люди считали коррупцию атрибутом

верхних этажей российской и дагестанской власти, следствием несовершенства законодательства и даже советским наследием, но слабо связывали ее с собственными поведенческими практиками. При этом образование и здравоохранение – сферы, где многое зависит не только от чиновничьего произвола, но и от самих людей, – назывались в числе наиболее коррумпированных. Все это создает ощущение, что двойные стандарты в отношении коррупции, фактически исключают возможность поддержки населением антикоррупционной политики. Поскольку коррупция в верхних эшелонах власти воспринимается всеми как очевидное зло, а желание заменить ее «честным» порядком сильно, то это влечет за собой обращение к «справедливым» правовым системам, альтернативным государственному законодательству (шариат, адаты) и согласующимся с привычными представлениями.

Обычай и традиции

Э. Хобсбаум подчеркивал различие между «обычаями» и «традициями», полагая, что первые обладают значительной адаптивностью к меняющимся условиям жизни, а вторые – напротив, представляют собой фиксированные практики, арсенал которых располагает вещами и действиями, утратившими практическое значение, но способными выполнять символические функции [30–33]. Рассказы наших респондентов хорошо иллюстрируют этот тезис. Наиболее яркий пример – свадьбы. Суть обряда, который имеет не только матримониальное, но и социальное значение, состоит в поддержании связанности общества. Свадьбы собирают всю семью вместе, помогают инвентаризировать ее состав и возможности. Это праздник для всех – богатых и бедных, молодых и пожилых, членов семьи и рода, села и земляков, ярмарка невест и женихов, место заключения договоров и получения одобрения от старших членов тухума, смотр детей. Число гостей на свадьбе сильно варьирует и является индикатором возможностей и влиятельности семьи.

За постсоветские годы произошло осовременивание свадебных «технологий». Если раньше свадьбу справляли во дворах (и в селе и в городе), то теперь в специальных церемониальных комплексах, предлагающих угоще-

ние, музыку, декорации и пр. Двухдневный свадебный ритуал – отдельно в доме невесты и доме жениха – все чаще пересматривается в пользу общего праздника, ограничивающегося одним днем. Приглашения рассылаются по почте, в том числе и электронной. Прежде все необходимое для свадьбы делали сами, теперь этим занимаются соответствующие фирмы, наряды невесты и жениха покупаются, некоторые традиционные аксессуары извлекаются из сундуков бабушек или арендуются. Чтобы помочь родственнику в делах, достаточно *нужного* телефонного звонка. Большинство таких инноваций отражает прагматичный подход к организации свадьбы, имитацию, а не соблюдение традиций. Наряду с этим сложилось несколько действительно новых и устойчивых практик.

Во-первых, институт патриархальной коллективности «по рождению» был дополнен современной коллективностью «по месту работы». Перенесение обычая «звать всех на свадьбу» на сотрудников учреждения сопровождается выработкой корпоративной этики поведения, предполагающей избирательность общения. Молодежь также имеет возможность пригласить своих друзей, не входящих в семейный круг.

Во-вторых, все респонденты отмечали рост популярности безалкогольных свадеб и неоднозначность этой традиции, которая подрывает межпоколенческие иерархии и делает невозможным следование дедовскому опыту.

— *Раньше все люди были набожные, все делали намаз – и была музыка [на свадьбе], и была выпивка. Просто сейчас больше делают акцент на то, что, если ты верующий, если ты делаешь намаз, то грех слушать музыку, грех танцевать. Но раньше наши деды, бабушки все же пели и танцевали, тоже делали намаз, и намного были безгрешнее.*

В-третьих, рутинным свадебным подарком стали деньги. Прежде денежные дары молодым отражали близость отношений внутри семьи, сегодня – это предпочтительная и наименее обременительная форма подарка. В социальном смысле такой сдвиг означает размывание границ внутрисемейных отношений. В экономическом – переход от реципрокных обменов к товарно-денежным, предполагающим эквивалентность, а не благотворитель-

ность, и позволяющим покрыть расходы, связанные со свадьбой, на которую «зовут всех».

Будущее

Фокус-группы не позволили вычлени́ть образ желаемого будущего, равно привлекательный для многих людей, и понять в чем его качественные отличия от настоящего. Идея, что *«будущее Дагестана – в его прошлом»*, которая могла бы найти поддержку в случае ретро-ориентации людей, интерпретировалась очень по-разному. Для одних – это значило возвращение к опыту предков, для других – ностальгию по брежневским временам, для третьих – констатацию деградации экономики и социальной жизни республики по сравнению с советским периодом. Идея *«инновационного прорыва»* также не встречала поддержки. Большинство сходилось в том, что быстрые реформы, которые в принципе могли бы прийти из Москвы, – нежелательны. Без энтузиазма оценивалась и модель развития, принятая в Чечне, несмотря на позитивную оценку изменений в соседней республике. Причина неприятия чеченского сценария не в том, что там используются негодные средства: *порядок, который навел Кадыров*, кажется привлекательным, а в плюрализме и мультиэтничности дагестанского общества: *«У них там одна национальность, у нас – много, у нас такое не выйdet»*.

На представления о будущем значительно влияют индивидуальные жизненные стратегии людей. Для «новых» мусульман образцом являются арабские теократии, для ищущих работы или образования в духовно-близкой среде – светская Турция, для стремящихся к современной жизни – Западная Европа и Америка, привлекающие высоким уровнем жизни и защищенностью человека. Нахождение Дагестана в составе России никем не оспаривалось: *«Я говорю своему сыну [на проводах в армию] – твоя страна Россия, твоя столица – Москва»*. С РФ связывались представления о будущем дагестанских народов. Эта точка зрения подкреплялась рассказами об этно-национальной политике, проводимой в соседних Грузии и Азербайджане в отношении аварцев, лезгин, рутульцов, цахуров и других народов Дагестана, разделенных государственными границами [34].

Проведенное исследование показало, что реальная жизнь людей в Дагестане составляет непрерывную цепь переходов от традиционных форм поведения к современным, совмещение, а не взаимоисключение мировоззренческих позиций. Интерпретация этой ситуации как *дезорientации традиционного общества*, в результате чего социальные реакции людей принимают хаотический характер, вызывает сомнения, поскольку совершенно отчетливо осознается ценность развития как процесса, предполагающего личностные усилия, рост социальной мобильности и благосостояния. Столь же сомнительной кажется и характеристика дагестанского общества как «переходного»: прошлое в его картине будущего занимает одно из центральных мест, гарантируя воспроизводство дагестанской и этно-групповых идентичностей. Традиционное, вопреки наделению его смыслом отжившего, является для людей столь же мотивирующим, как и предписания современности. Но в отличие от традиций, которые были успешно прагматизированы, представления о современности идеологизированы и являются сферой активного социального конструирования. С образом западного мира конкурирует модель, оформляемая в категориях «нового» ислама. Возвращение в лоно религии после длительного периода государственного атеизма многим нравится, поскольку помогает обозначить преемственность прошлого и будущего [35], но претензии на абсолютность, подрыв авторитета старших, накладываемые ограничения и неодобрительное отношение к местным обычаям – отвергаются. Похожая ситуация и в случае приверженности идеалам светского государства: лояльность РФ и признание приоритета светского образования не отменяет сопротивления унифицирующим начинаниям российского правительства.

Индивидуальность выбора в пользу светских или религиозных ценностей порождает борьбу за умы и души людей между двумя авторитетными «внешними» силами (государство и религия), глубоко инкорпорированными во «внутренние» социальные структуры. Одна из них ответственна за экономику и социальное обеспечение, другая – за духовное состояние социума, каждая подчиняется собственным правовым системам и предлагает обществу свою модель развития. Итог – мобилизация российской и исламской идентичностей жителей Дагестана, усиление конфликтности от-

ношений сторонников разных взглядов [36, 37, 38]. Плотная сеть семейно-родственных отношений «сшивает» социум, разделенный по ценностным основаниям, выполняя функцию социального стабилизатора. Поэтому о «традиционности» и родственной сплоченности Дагестана стоит подумать не столько как о помехе модернизации, сколько как об условии, обеспечивающем возможность ее реализации.

КУЛЬТУРА КАК РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

Вернемся к тезису о признании культуры силой, влияющей на локальное развитие *наравне* с инвестициями, ресурсами, институтами и пр. Такой подход предполагает, что существуют некие значимые причины, которые порождают синергию культурных, социальных и экономических факторов, отвечающих за развитие и позволяющих людям идентифицировать себя с новыми проектами и институтами. Нельзя сказать, чтобы эта идея была нова. Новым скорее является подход к ее реализации, учитывающий нелинейность экономического и институционального влияния на сложные социокультурные системы. Например, трудно не согласиться с тезисом о необходимости вовлечения местного малого бизнеса в крупные проекты с государственной поддержкой. Но как это сделать, если частная инициатива нацелена на минимизацию персональных рисков, а появление даже не слишком крупных инвесторов и внедрение новых технологий их резко увеличивает, обрекая локальных участников рынка на неравную конкуренцию? Должно ли государство встать на сторону мелких предпринимателей? Но тогда защищенными оказываются и принятые правила игры, замешанные на коррупции [39]. Или взять другую идею, предполагающую «выращивание» управленцев с неклановой системой ценностей, которые имеют широкий кругозор и понимают специфику региона [16]. При всей необходимости формирования новых элит – это механизм отложенного действия с неизвестным результатом. Достаточно оглянуться на советский опыт, чтобы понять неоднозначность процесса воспитания «нового человека». Постсоветское время показало, что лучшие эмигрируют, уходят в бизнес, переезжают в другие города, где есть условия для самореализации, а кадровая система в значительной мере воспроизводит

себя. Другими словами, нужны более изощренные стратегии, требующие не только прямых инвестиций в материальную сферу или человеческий капитал, но и мер опосредованного влияния, опирающихся на ценности, неоспариваемые людьми. Их арсенал – не так мал.

Во-первых, в дагестанском (да и в российском) обществе отчетливо выражен моральный запрос на *честность, справедливость, правосудие, соблюдение законов*. И именно на этом поле ислам успешно конкурирует с российским государством. Но абсолютно те же этические принципы важны для реализации любых инвестиционных проектов. Современный бизнес предполагает *социальную ответственность, прозрачность, общественную полезность, уважение чужого труда и собственности*. В российских условиях стремление действовать в рамках этих правил ограничено коррупцией, необязательностью исполнения законов и дефектами судебной системы. Защитой от казнокрада становится сокращение числа участников проектов до узкого круга лиц, на которых можно положиться. Локальные агенты развития в этот список, как правило, не попадают. Понятно, что такая ситуация воспринимается как дискриминирующая и несправедливая, подрывает доверие к государству и приводит к росту числа институтов «закрытого доступа», что прямо противоречит принципам прозрачности ведения бизнеса. Для преодоления этой ситуации одних постановлений о борьбе с коррупцией и законодательных инициатив – недостаточно, нужны практические действия. Их осуществлению может косвенно помочь деятельность религиозных авторитетов по продвижению ценностей честности и законопослушности, хотя они и преследуют собственные цели. Звучит парадоксально, но прецеденты известны: принципы капитализма прямо противоречили взглядам Лютера, тем не менее, Реформация создала необходимые условия для его развития². Кроме того, в сложносоставном дагестанском обществе

2 М. Вебер пишет: «Культурные влияния Реформации в значительной своей части <...> были непредвиденными и даже нежелательными для самих реформаторов последствиями их деятельности, часто очень далекими от того, что проносилось перед их умственным взором, или даже прямо противоположными их подлинным намерениям» [40, с. 104].

государство способно выступить в роли справедливого арбитра. Правда, для этого необходима поддержка низового уровня правосудия: светское право практически не работает в такой жизненно важной сфере как регулирование земельных отношений, и введение в правовое русло ситуации одновременного действия российского законодательства, норм обыденного права и законов шариата, к которым люди прибегают в разных ситуациях [41].

Во-вторых, представление о современности связывается с ценностями *самовыражения* и *независимости*, которые в большей мере свойственны индивидуалистическим обществам, но и коллективистские культуры им не чужды. Для них точно так же самореализация связана с самостоятельностью принимаемых решений и наличием выбора. В случае Дагестана, просматриваются три стратегии достижения этой цели: а) карьера в республике, успешность которой зависит от сочетания факторов положения семьи и личных качеств, б) миграция – отъезд как средство социальной мобильности, и в) обращение в «новый» ислам. Если первые два пути сопряжены с целым рядом социально-экономических ограничений, требуют багажа знаний, опыта и персональных усилий, то последний – открыт для всех, обеспечивая статусную и индивидуальную самореализацию. Несмотря на то, что преданность молодых людей «братству мусульман» нередко противоречит авторитету родителей и семьи, такой выбор в глазах общества легитимен. Его правомерность обосновывается «гнилостью» существующего социального порядка, не имеющего ни ценности, ни перспектив. Признание его обреченности влечет за собой требование переустройства общества на новых моральных основаниях. Структурно этот нарратив очень близок модернизационному, он точно так же прорисовывает контуры будущего и стигматизирует настоящее, но есть и кардинальные различия. Обладая значительным протестным потенциалом, «новый» ислам не предлагает никакой программы решения существующих социальных и экономических проблем, кроме обращения к истокам веры. Он не дает ответа на запросы человека, связанные с осознанием ценности индивидуальной жизни, здоровья, разностороннего развития и уважения личности. Но и действия российского государства в этой сфере выглядят скорее как невнятные. Дефицит воз-

возможностей самореализации, возникший в Дагестане в постсоветские годы в результате социально-экономических и демографических причин, никак не компенсировался. Поэтому любые действия государства, расширяющие свободу выбора жизненного пути, в том числе и через поддержку предпринимательства, будут работать на смягчение противоречия между стремлением к самовыражению и невозможностью или неспособностью реализовать его в актуальных условиях. Естественным союзником и опорой государства в этом вопросе являются женщины, стремящиеся к расширению своих прав и желающие лучшего будущего для детей.

В-третьих, понятие «связи» является центральным и для традиционного, и для современного социума, несмотря на разницу в характере взаимодействий и их интерпретации. В первом случае наибольшее значение имеют связи, обеспечивающие внутреннюю сплоченность, во втором – создающие условия для наведения «мостов» между социальными группами и обществами. Одно не отменяет другого: разные формы социального капитала не только существуют одновременно, но и взаимообусловлены. Это находит свое выражение в параллельном проявлении таких феноменов как сотрудничество и соперничество, дифференциация и интеграция, конкуренция и кооперация. Силы, которые определяют ослабление или усиление различных векторов связей, могут иметь как внутреннее, так и внешнее происхождение. Так, процессы глобализации сопровождаются усилением фрагментации национальных обществ. В экономике: ставка государств на крупный системообразующий бизнес, консолидирующий ресурсы развития, ставит индивидуальных производителей на грань выживания, превращая конкуренцию в закон джунглей. Если с этих позиций взглянуть на проблему несогласованности федеральных и местных усилий, направленных на локальное развитие в Дагестане, то станет понятно, что это вызвано не столько непродуманностью федеральных проектов или традиционностью общества, сколько отсутствием координирующего звена. Крупный бизнес не может напрямую взаимодействовать с частным подворьем и городскими цеховиками в силу разницы масштабов и недостаточной надежности мелких экономических контрагентов. Нужен посредник, который мог бы

компенсировать оба эти недостатка. Его функции может выполнять либо внешняя структура, хотя высока вероятность ее восприятия как грабительской или колонизаторской, либо местная кооперация, защищающая интересы «своего» производителя и продвигающая его товары и услуги на рынке. Это означает, что для решения проблемы скоординированного развития нужна не только институциональная инфраструктура, но и доверие к ней – наиболее дефицитный продукт в российском обществе. Ситуация усугубляется тем, что в постсоветские годы на всех уровнях пропагандировались идеи конкуренции как важнейшего драйвера экономического роста. Видимо, пришло время заговорить о кооперации как способе сделать локальных агентов развития конкурентоспособными и оказать организационную поддержку созданию кооперативов. Задача не из легких, поскольку социальная солидарность в северокавказском обществе уживается с подозрительностью и недоверием к соседу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассуждениям о противоречиях развития Дагестана и возможностях выхода из тупика, создаваемого противопоставлением модернизационных целей и традиционных представлений, хотелось бы еще раз обратить внимание на конкуренцию светской и религиозной систем ценностей в обществе, формирование альтернативных моделей будущего республики. И хотя финальные цели в каждом случае четко определены – более полная интеграция в исламский мир или в политическую и хозяйственную систему РФ, границы социальных предпочтений размыты. Сделать однозначный выбор в пользу светского или религиозного общества для многих практически невозможно [38]. Религиозные (исламские) предписания значимы для большинства дагестанцев, наряду с этнической идентичностью, они служат опорой индивидуального и группового самосознания. Однако наличие «двух опор» не добавляет обществу устойчивости. Этногрупповое самоопределение, в отличие от религиозного, произошло относительно недавно. В досоветском Дагестане понятие «этнической общности» отсутствовало, ключевым признаком самоидентификации была

принадлежность к джамаату и союзу джамаатов. «Современные дагестанские национальности складывались “сверху” как результат принимаемых органами власти решений по установлению “научно обоснованной” номенклатуры национальностей и их регистрации в актах гражданского состояния и в ходе переписей» [42, с. 98]. Будучи институализированной, этничность обрела статус, дававший целый ряд привилегий, включая гарантированное представительство в органах власти. Но если джамааты были тесно связаны с религиозными институтами, то этносы – со светским государством, признавшим плюрализм дагестанского общества как его важнейшую характеристику. С этой мыслью выросли многие поколения, любая беседа в республике начинается с представления Дагестана как «страны гор» и «горы языков» [43]. Значимость этнической принадлежности для людей такова, что, как писал Расул Гамзатов, «если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть» [44]. Это объясняет, почему в Дагестане при всем уважении к религии идеи теократического (исламского) государства, «братства мусульман» или даже повышения роли ислама в экономике, образовании и управлении – встречают сопротивление.³ Но этнокультурный плюрализм, поддерживая систему ценностей светского государства, делает само государство «заложником» этнополитических отношений. Эта проблема выходит за рамки модернизационной тематики, разворачивая дискуссии из плоскости противостояния «традиционного» и «современного» в плоскость национальной безопасности, сохранения управляемости и целостности страны. Именно поэтому инструментов политики социально-экономического развития (создание рабочих мест, образование, инвестиции, и пр.) для таких регионов как Дагестан – недостаточно. Необходимо привлечение средств культуры, апелляция к ценностям, к тому, в чем сходятся позиции

3 «Сопротивление» местных общин унифицирующему влиянию религиозных исламских предписаний было характерно для народов Дагестана на протяжении всей его истории. «Дагестан, – пишет А. Тахи-Годи, – был покорен арабскими завоевателями в IX веке нашей эры. Арабы принесли в Дагестан три института своей жизни: арабский язык, шариат и ислам. Между этими установлениями и теми, которые имелись у самих дагестанцев, завязалась ожесточеннейшая борьба. Адат – местное обычное право – вступил в борьбу с шариатом, язычество – с исламом и местные языки – с арабским» [45, с. 69].

разных групп населения, пересекаются принципы устройства общества на религиозных и светских основаниях, соединяются традиция и устремленность в будущее. Тогда, возможно, и перспективы достижения модернизационных целей станут более реалистичными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зубаревич Наталья. Без компромиссов проблемы регионов решить невозможно // Кавказский узел. 29.06.2012. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/208765/> (дата обращения: 20.07.2016)
2. Северный Кавказ: сложности интеграции (IV): экономический и социальный императивы. Доклад Международной кризисной группы № 237 (Европа). 7 июля 2015. URL: http://www.crisisgroup.org/en/regions/europe/north-caucasus/237-north-caucasus-the-challenges-of-integration-iv-economic-and-social-imperatives.aspx?alt_lang=ru (дата обращения: 20.07.2016)
3. Бобровников В.С. Археология строительства исламских традиций в дагестанском колхозе // Конфессия, империя, нация: Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. М.: Новое издательство Ab Imperio, 2012. С. 404-433.
4. Казенин К. Регулирование земельных отношений в Дагестане: социально-экономические корни «традиционализации» // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 3. С. 113–133.
5. Норт Д., Уоллис Дж., Вейнгагст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Издательский дом Института Е.Т. Гайдара, 2011.
6. Адиев З. Национальные движения ногайцев на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа, 2015. № 2. С. 99–105.
7. Аджиев А., Ибрагимов Р-М. Кумыки // Дагестанская правда, 31.03.2015. Вып. 154–155. URL: <http://dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/27445835/> (дата обращения: 20.07.2016)
8. Боров А. Х., Муратова Е. Г. Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. 2011, №. 4. С. 157–166.
9. Абдулагатов З.М. Исламское массовое сознание постсоветской России. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, «Алеф», 2013.
10. Халидов Д. Северный Кавказ: что делать? Системный анализ, назревшие меры и актуальные проекты. М.: Изд-во РГГУ, 2010.
11. Северный Кавказ: модернизационный вызов / отв. ред. И.В. Стародубровская. М.: Издательский дом «Дело», 2011.
12. Стародубровская И., Миронова Н. Муниципальная реформа в республиках Южного федерального округа. М.: ИЭПП, 2010.

13. Маркедонов С.М. Северный Кавказ: модернизационные перспективы бесплодного региона // Неприкосновенный запас. 2011. № 1. С. 62–69.
14. Соколов Д., Магомедов Х., Силаев Н. Источники конфликтов и развития на Северном Кавказе. Доклад Кавказского Центра проектных решений. М.: Кавказский узел, 2013. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/222451/> (дата обращения: 20.07.2016)
15. Левинсон А.Г. Кавказские проблемы в нарративах жителей Кавказа и остальной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 3-4 (113). С. 78-89.
16. Стародубовская И., Казенин К. Северный Кавказ и современная модель демократического развития. Экспертный доклад. М.: Комитет гражданских инициатив, 2016. 70 с. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2774/> (дата обращения: 20.07.2016)
17. Parsons T. The Social System. NY: The Free Press, 1951.
18. Arnason J.P., Eisenstadt S.N., Wittrock B. (Eds.) Axial Civilizations and the World History. Leiden-Boston: Brill, 2005.
19. Arnason J.P. Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions. Leiden-Boston: Brill, 2003.
20. Eisenstadt S.N. 2000. Multiple Modernities // Daedalus, 2000. Winter. Vol. 129, No.1. P. 1–29.
21. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities: A Paradigm of Cultural and Social Evolution // ProtoSociology: An International Journal of Interdisciplinary Research, 2004, No. 24. P. 320–380.
22. Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис. 2002. № 1. С. 141–159.
23. Lee R. Reinventing modernity: Reflexive modernization vs liquid modernity vs multiple modernities // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 9. № 3. P. 355–368.
24. Preyer Gr., Sussman M. (Eds.) Varieties of Multiple Modernities. Brill, 2015.
25. McKay, J. Reassessing Development Theory: Modernization and Beyond / D. Kingsbury, J. McKay, J. Hunt, M. McGillivray and M. Clarke. International development: issues and challenges. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, pp. 51–73.
26. Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т.9, № 2. С.11–30.
27. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
28. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А., Константинова О.С., Плотко М.А. Ситуация на Северном Кавказе: опыт пилотажного исследования в 5 республиках // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. №3–4 (113). С. 25–70.
29. Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ

- ДНЦ РАН) / под ред. З.М. Абдулагатова и А.С. Халиловой. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014.
30. Hobsbawm E., Ranger, T. (Eds.). *The Invention of Tradition*. New York: Cambridge University Press. 1983. 324 p.
 31. Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the modern social order*. Stanford University Press, 1994.
 32. Giddens A. *Runaway World. How globalization is shaping our live*. Routledge. 2000.
 33. Паин Э.А. О природе процесса этнического и религиозного возрождения // Ценности и смыслы. 2010. №5 (8). С. 33–49.
 34. Алексеев М., Казенин К., Сулейманов М. *Дагестанские народы Азербайджана. Политика, история, культура*. М.: Европа, 2006.
 35. Бобровников В. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №2(50). С. 161–172.
 36. Абдулагатов З.М. Религия в системе идентичностей молодежи Республики Дагестан // Исламоведение. 2012. №4. С. 10–20.
 37. Абдулагатов З., Шахбанова М. Патриотическое сознание молодежи Республики Дагестан // Вестник Общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 3–4 (113). С. 70–78.
 38. Антипова А.С. Ценности ислама и светского государства в социологическом измерении // Социологические исследования, 2007. № 3, С. 111–118
 39. Цедилин Л.И. Протекционизм в российской экономической политике: институциональный исторический опыт. М.: Институт экономики РАН, 2014.
 40. Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма* / М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–307.
 41. Казенин К. Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма на примере Северного Кавказа // Экономическая политика. 2014. № 3. С. 178–198
 42. Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (на примере Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. №5. С. 96–115
 43. Магомедханов М.М. «Вавилонское столпотворение» (этноязыковые процессы в Дагестане) // Антропологический форум. 2010. №13. С. 279–316.
 44. Гамзатов Р. *Родной язык* / Р. Гамзатов. Завещание: Избранные стихотворения. Махачкала: Дагестанский писатель, 2009.
 45. Тахо-Годи А.А. Проблема языка в Дагестане // Революция и национальности. 1930. № 2. С. 68–75.